

ГЛАВА 14

Я вскидываю дробовик. Лица не разглядеть — слишком темно, но в его телосложении есть что-то знакомое, и я медлю с выстрелом.

— Эй! — окликаю я.

Он не отвечает, но уже почти добрался до дома. Я рисую его в голове, пока он поднимается на крыльцо. Его силуэт за окном, искаженный толстым стеклом. Звук его голоса, приглушенный гудением газонокосилки. Наконец он ступает на порог, и уцелевшие половицы поскрипывают под его ногами. Он поднимает голову; его рубашка разорвана, а на щеке порез, но я его знаю. Даже в темноте я узнала бы его без труда.

— Папа? — выдыхает Риз.

Это мистер Харкер.

А потом его лицо освещает красный свет сигнальной шашки, и я понимаю, что это не он.

— О боже. — Голос у меня странный, приглушенный и далекий. — Риз, Риз, мне так жаль.

Потому что от него остались лишь лицо и тело. Кожа белая и стянутая, изо рта лезут корни. Ветки торчат в ушах, из-под ногтей, обвивают руки. Немигающие глаза все еще принадлежат ему, и он смотрит на нас расширенными зрачками.

Больше года в лесу, в окружении токс. Чего мы ожидали?

— Нет, — говорит Риз. Я хватаю ее за руку и оттаскиваю назад. Она едва стоит на ногах и, споткнувшись, падает на колени. — Нет, нет, папочка.

Но это не он.

— Надо уходить, — говорю я. — Идем, Риз, скорее.

Он смотрит на меня, наклоняет голову и, открыв рот, с присвистом делает долгий вдох. Черные раскрошенные зубы, зеленое гнездо в глубине глотки. В воздухе стоит едкий привкус, отдающий плесенью и чем-то кислым.

Я поднимаю дробовик и прицеливаюсь, но Риз отталкивает меня и, задрвав голову, смотрит со свирепым огнем в глазах. Мистер Харкер за ее спиной приближается, шаг за шагом, и из его рта показываются плети какого-то растения.

— Не смей, — говорит она сиплым срывающимся голосом.

— Пожалуйста, Риз, надо бежать.

Слишком поздно. Извиваясь, лоза ползет по ногам Риз, скользит вдоль позвоночника; еще одна захлестывает руку и дергает. Риз вскрикивает, и я слышу треск. Ее правое плечо выворачивается, и рука повисает безвольной плетью.

Я кидаюсь к ней, срывая с пояса нож. Резкими взмахами я рублю цепляющиеся к ней лозы. Мистер Харкер визжит и отшпательывается назад, дергая ее за собой.

— Гетти! — кричит Риз.

Дробовик. Но, когда я стреляю ему прямо в сердце, ничего не происходит. Он только ревет и тянет Риз сильнее, а потом одна из плетей обвивает ей горло и начинает сдавливать.

Я могу сбежать. Могу спастись и вернуться за забор, в безопасность. У меня остался только нож. Что сделает нож мистери Харкеру?

Но об этом не может быть речи. Я бросаюсь на него — поднырываю под самую толстую плеть, которая проходится шипами мне по спине, — и оказываюсь рядом с ним. Я врезаюсь в него, и мы вместе летим на землю. В рот набивается грязь, кожа обдирается о березовую кору, нож вылетает у меня из руки, и я шарю по отсыревшим доскам, пытаюсь его найти.

Плеть обвивает мою лодыжку и дергает, опрокидывая на спину. Мои пальцы задевают нож, но он слишком далеко, не достать, а мистер Харкер оттаскивает меня все дальше.

— Риз, — зову я. — Возьми нож!

Но я не вижу ее, не вижу ничего, кроме нависающего надо мной мистера Харкера, и его руки, губчатые от покрывающей их гнили, смыкаются на моем горле. Я бьюсь на полу, пытаюсь сбросить его с себя, но давление только усиливается. Змеящиеся ветки опутывают талию, прижимая меня к полу. Одна из них ползет по шее, и у меня вырывается крик, когда она обвивается вокруг моего подбородка, заставляя открыть рот.

Лоза отдает горечью, и я давлюсь и царапаю вздувшееся лицо мистера Харкера. Кожа сходит с него клочьями, забивается под ногти мягкой мясистой массой.

— Эй! — кричит Риз. На секунду давление ослабеваает, а затем серебряная рука Риз сверкает над нами, всаживая нож

глубоко в плечо, и она наваливается на отца и толкает его на пол.

— Скорее, — говорю я. — Держи его.

Но Риз просто смотрит на него с открытым ртом. На нее можно не рассчитывать — она уже сделала все, что могла.

Я наваливаюсь на мистера Харкера, зажимаю ему ребра коленями и придавливаю к полу. Он ревет, напрягая мышцы, и смотрит прямо на меня — я в этом уверена. Это наш с ним бой, один на один.

Я вскрикиваю, когда он бросается вперед. Ветки хлещут мне по лицу, шипы глубоко рассекают руку. Я крепко хватаюсь за нож, выдергиваю его из плеча мистера Харкера и вонзаю ему в грудь, рассекая плоть, и рана вскипает и пенится. Желчь пузырится у меня на губах, стекает по подбородку, пока я работаю ножом, проворачивая его в ране.

— Не надо! — доносится сзади вопль Риз.

Но я должна. Это уже не он. Я наваливаюсь на него, упираясь ладонью ему в локоть, и всаживаю нож глубже, а потом надавливаю на рукоять, уводя лезвие вверх. Где-то внутри должно быть сердце. Его не может не быть.

Черная кровь струится у меня между пальцев; лезвие тупее, чем я думала, но мне удалось сделать разрез, и он слабеет. Корни поменьше ломаются и отваливаются. Наконец я выдергиваю нож, отбрасываю его в сторону и запускаю руку в его изорванную плоть.

Он гниет изнутри. Ткани поросли плесенью, запах такой кислый и едкий, что у меня слезится глаз. Что-то пробегает по рукаву моей куртки один раз, потом второй, третий,

и в красном свете сигнальной ракеты я вижу поблескивающие спинки сотен жуков, бегущих прочь из открытой раны.

Я подавляю вопль, и, прежде чем успеваю пошевелиться, лоза взбирается мне по спине и обвивается вокруг шеи. Она сдавливает мне горло, все туже и туже, оставляя в коже занозы, и по телу волнами расплзается боль. Но он ослаб и быстро теряет кровь. Я хватаюсь за лозу и разрываю ее надвое. Снова наваливаюсь на него, и его рот открывается шире, а кожа на щеках расходится.

Я снова погружаю руку ему в грудь глубже и глубже, пока не натыкаюсь на кость. Но тут на него падает свет, и я понимаю, что это не кость — это ветви, веретенообразные ребра, изогнутые и вспученные. Я цепляюсь за них пальцами, упираюсь коленом ему в подбородок и тяну.

Раздается треск. Под ребрами я вижу то, что искала: живое сердце, блестящее от крови, сердце из земли и сосновых иголок, а внутри него — что-то еще, что-то большее, что-то живое. Не раздумывая, я хватаю его обеими руками, и оно с влажным треском выходит из грудной клетки.

Глаза мистера Харкера закрываются. Его тело обмякает. Я выпускаю сердце из трясущихся рук и падаю на бок, чтобы не захлебнуться рвотой.

Затем сажусь, ощущая, как по подбородку стекает слюна. Я жду чувства вины, жду сосущей пустоты в желудке. В конце концов, мне оно знакомо. После лодочной смены, после Байетт я начинаю думать, что создана для него.

Но мистер Харкер мертв, а я жива, и вина никак не приходит. Я сделала то, что должна была. Я спасла нас.